БАЛАКОВСКИЕ ВЕСТИ
№ 36 от 7 мая 2013 г.

ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ

Слуги Господни

Продолжение. Начало в № 89

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В предыдущих номерах мы рассказали о священниках, которые были настоятелями балаковской церкви в разное время: Александре Ивановиче Началове, Иоаникии Иоаникиевиче Владыкине и Дмитрии Андреевиче Орлове.

ЗА УПОКОЙ

Дмитрий Андреевич Орлов был женат на Ольге Александровне. У них было пятеро детей: три девочки и двое мальчиков. Старшие, Вера и Александр, учились в коммерческом училище.

В 1911 году церковным старостой Иоанно-Богословской церкви был выбран торговец Фёдор Яковлевич Махунцов, чей дом находился в двух кварталах от храма и сохранился до сих пор.

В 1916 году в Иоанно-Богословской церкви стал служить дьяконом Алексей Михайлович Лебедев. К сожалению, о его послужном списке пока ничего неизвестно. Зато сохранились воспоминания его сына, будущего народного артиста СССР, Почётного гражданина г. Балаково Евгения Алексеевича Лебедева, который родился в январе 1917-го:

«Я родился ночью. С первым словом «мама» во рту у меня был крест, я сосал его вместо соски. С крестом были связаны мои первые слова, их меня научили произносить. Первое, что увидел кроме лиц отца и матери, – крёстное благословение. Первое, что запомнил, – «Бог накажет!»

Вечером мы собирались и сидели допоздна у любимого места – у ворот. Солнце садилось за домом, перед нами высилась громадная кладбищенская церковь. Перед ней – огромная площадь, а за ней – тысячи крестов и памятников на забытых могилах и склепах. Небо как будто только что из парикмахерской, с шестимесячной завивкой, в локонах и завитушках, золотое, красно-жёлтое, как голова моего соседа, рыжего Витьки, курносого и конопатого. Витька прижался щекой к моему плечу и ковыряет указательным пальцем в носу. Брат его, точно английской породы поросёнок – такой же толстый и круглый, – лежит на траве животом вниз, подперев руками круглую, спелую голову.

Все мы жадно слушаем деда Афанасия – сторожа кладбищенской церкви. Он наш друг и товарищ. Обут он в столетние валенки, такие же дырявые и заплатанные, как и его кафтан. Пальцы будто в сучках, жёлтые руки покрыты синенькими жилками, скрученными и перекрученными между собой большими узлами, словно Волга, как её изображают на географических картах. В руке его палка с крючком на конце, такая же старая, как и он сам.

Жил он один в маленькой сторожке с низким потолком, скрипучим полом, двумя кривыми окошками, заляпанными замазкой, газетами и листками из поминаний за упокой Александра I, Александра II, Александра III… В углу – икона на толстой верёвке, изображающая сухого, старого, с вытянутым лицом и тонким длинным носом Христа, который смотрит во все стороны. Где бы ты ни сидел, он грозит тебе тонкими пальцами, сложенными в благословение. На столе всегда лежал старый рыжий кот, облезлый, ленивый, единственный друг дедушки. Когда дед обедал, кот сидел рядом с его деревянной миской и ел из такой же, только чуть поменьше.

Мы называли дедушку Афанасия «золотым». Он и вправду был золотой. Его гладкая голова, всегда смазанная лампадным маслом, походила на позолоченный серебряный чайник, на котором золото протёрлось и местами видно серебро. Волосы его тоже когда-то были золотыми, а теперь покрылись серебром. Он перевязывал их кручёным белым шнурочком вокруг головы, таким же засаленным, как и сами волосы. Когда он читал нам Евангелие и жития святых, на носу, на самом его конце, торчали в железной оправе очки, забинтованные ниточками и тряпочками, а на самом острие носа висела чистая белая капелька его чистых свежих слёз. Читая, он плакал. Плакали и мы.

Один из последних диаконов Иоанно-Богословской церкви Алексей Михайлович Лебедев с женой Зинаидой Ивановной и сыном Евгением

Почему мы не плачем так в церкви, когда стоим и слушаем чтение псалмов? А тут так ярко, как в сказке, представляем картину страстей Господних? Дедушка читает, и мы как будто бы рядом с ним идём по Гефсиманскому саду, поднимаемся на Голгофу, где распинают Христа. Только мы стоим в стороне. Нам хочется облегчить страдания распятого, перебить его врагов. Но мы не можем…

Сколько рождалось силы и отваги в эти часы в наших детских сердцах! Как крепко сжимались наши пальцы, как будто наливались в громадные кулачищи маленькие детские кулачки! Глаза у всех горели. Сидели молча, старались не пропустить ни одного слова, ни одного взгляда всемогущего дедушки Афанасия.

Но вот из глаз у него покатилась слеза, голос дрогнул, мы все зашмыгали мокрыми носами, и сила вдруг ушла от нас, мы стали жалкими и смешными. Стараясь не смотреть друг на друга и на дедушку, мы плакали. Маленькое Евангелие, закапанное воском, с истлевшими чёрными уголками, перелистывалось страница за страницей и оживало перед нами. Казалось, Христос явится сейчас и совершит чудо. Или вдруг будет конец света. Явится архангел Гавриил и затрубит в свою громадную трубу, и встанут мёртвые из гробов в белых рубашках с распущенными волосами, худые, длинные, и начнётся Божий суд над ними и над нами, живыми. Все будут плакать, просить отпустить им грехи. И рыжий Витька тоже будет плакать и кричать, чтобы простили его за то, что он меня избил, нос расквасил. А я подойду к Богу и попрошу его, чтобы простил Витьку, ведь он мне не откажет?

Я читаю Евангелие, почти каждое воскресенье причащаюсь, и если можно было бы каждый день это делать, то я с большой охотой подходил бы и проглатывал горько-сладкую ложечку красного вина и запивал подкрашенной водичкой. И потому бы ещё я это делал, что все после этого тебя поздравляют и дают тебе пять копеек на сладости.»

Юрий КАРГИН

Продолжение следует